

18+

Лана Гайсина

Письма из Канавии

Рассказы

Лана Гайсина

Письма из Канавии. Рассказы

«Издательские решения»

Гайсина Л.

Письма из Канавии. Рассказы / Л. Гайсина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851404-3

Рассказы, смешные и грустные, весёлые с печалью пополам, жанры от бабьего чёса до публицистики, в общем, всё, что преподносит жизнь, не считаясь с рамками литературных предпочтений.

ISBN 978-5-44-851404-3

© Гайсина Л.
© Издательские решения

Содержание

Письма из Канавии	6
Признание в любви	12
Злая мочютэ	13
Одиночество	16
Ссылка	18
Хор Сретенских монахов	24
Байки старой мочютэ	27
Почти Рождественская история	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Письма из Канавии Рассказы

Лана Гайсина

© Лана Гайсина, 2019

ISBN 978-5-4485-1404-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Письма из Канавии

Дан приказ: «Ему на Запад...» Точнее ей на запад, а он остался в родной стороне, с внуками, с пьяницей женой и сыном. Остался он у внуков и за маму, и за папу.

Когда маленький Артур набирал свое первое слово из кубиков, это слово было: «Дедуля».

Здравствуй Виктор! Спасибо за поздравление с Новым годом! Рада, что твой Вовка бросил пить и удачно «бомбит» на ухабистых дорогах города. Ничего, что жигуль старый, не на мерсе же пьяниц по ночам развозить. Жаль, что все берутся за ум только после несчастья. Морги пошли современные, представляю, каково тебе было опознать на экране компьютера утопленницу-дочь. Царствие небесное твоей красавице-сумасбродке и дай вам бог сил и терпения пережить и это горе.

Живу я пока в Рукле, бывшем военном городке Советской армии. Нынче здесь живут литовские военные, бомжи, выкинутые из больших городов за квартирные долги и одичалые кошки. Последние с большой удачей конкурируют с бомжами на помойках в поисках пропитания.

Откуда ты знаешь, какая жизнь была в Рукле? Ты был там? То, что разнесли Руклу – это верно. Разрушили спортзалы, кинотеатр, года три назад еще можно было видеть лозунги советских времен в развалинах. Теперь сравнивали с землей. Бродят по развалинам дети бомжей, сквернословят, курят, колются. Вот бомба замедленного действия, а не пресловутая советская угроза. Вырастут эти дети и еще раз разнесут уже существующий мир, который отверг их и выбросил на помойку.

Помню, когда приезжала в Руклу лет семь назад, ко мне привязалась одна такая девочка полуброшенная. Как собачка, все время – за мной. Я ей говорю: «Не ходи со мной так далеко, тебя же будут искать». А она мне в ответ: «Меня никто никогда не ищет». Наблюдала однажды, как ее мать, пьяная вдребезги поднималась на крыльцо своего подъезда. В руках булки, пакетики молока. Как только заносит ногу на последнюю ступеньку, теряет равновесие и падает. Так она трижды пыталась подняться и безуспешно. Потом от отчаяния, как хватит о землю всеми своими булками! И улеглась там же на земле и заснула.

Привет из страны Мокряндии! Знаешь, как переводится на русский «Литва»? По-литовски звучит Лиетува, значит «Дождляндия». Апрель только начался, а снег давно растопили дожди.

...Это было 1 апреля, в среду. Стою я на остановке, жду дочь. Она должна была подвезти нас с внучкой на танцы. Я стою спиной к остановке и наблюдаю, как моя Александра играет в ближайшем лесочке с детьми. Вдруг слышу сигнал. Оборачиваюсь. Смотрю, остановилась очень крутая машина, сидят в ней крутые мужики, в черных пальто, в темных очках. Я не вижу лица того, кто сидит за рулем, но у того, кто открыл дверь и пригласил подвезти – ну, не передать словами, просто челюсть отпала, когда я обернулась.

– Спасибо! – говорю, – Я жду свою машину. – И уже вдогонку кричу: « 1 апреля, мужики! Я же не виновата, что сзади – «пионерка»!

Сегодня не зря 1 апреля. Березы вместе с мухами меня тоже обманули. Я пришла на вырубку за березовым соком, а там полные банки мух. Вот так-то пить чьи-то «слезы». А мух потравила вчера, так что мы в расчете.

Здравствуй, Виктор! С мая месяца живу в деревне. Мой зять срочно лепит курятник, скоро в нашей семье прибавление – собираются купить несушек. Вчера мы пытались навести

порядок в деревянном сарае. Привезли зимой девять прицепов дров, и вот все это предстоит сложить в сарае – представляешь, какими гигантскими делами я ворочаю! Да, насчет маргинальности. Это, когда «мадам» в куртке, которую порядочный бомж не наденет, кормит семерых котов (факт голубизны среди котов, между прочим, не установлен). Но та же «бомжиха», если едет на концерт, то в норковой шубке, белых перчатках и белой шляпке. Что я с собой могу поделать – люблю разнообразие! Насчет того, что мне известны знаки внимания (или невнимания) на концертах, ты ошибаешься. Я человек скромный, и моя фотография не мелькает с экранов и газет, а деревня наша настолько маленькая, что нет в ней ни клубов, ни почты, один Зигмас наш, ходячая почта, все новости пересказывает, но до того перевирает, то ли по старости, то ли по злему умыслу, что его никто всерьёз не воспринимает.

Да, чуть не забыла, в мелиорационной канаве вчера увидела давно забытые цветы моего детства. Собирали мы эти цветы вместе с незабудками. В середине букета – незабудки, а по краям желтые купавы, так, кажется, называются эти цветы, похожие на маленькие желтые розочки. Рука, конечно, не поднялась сорвать, не потому, что в Красную книгу занесен цветок. Красоту жалко!

Вот так протекает теперь моя жизнь – все интересы в канаве. Как и положено маргинальной личности. Приглашаю. В Канаву. Жизнь здесь кипит и хандрить некогда.

Здесь в чащобах лесных старики-берендеи
 Столетние тайны сурово хранят,
 По ночам весёлые девы-русалки
 На болотах кричат и шалят.
 Несмолкаемой песнью жаворонка
 Весеннее утро поёт,
 Журавлиными криками
 Тишина рыдает,
 И ленивое солнце
 В тумане встаёт.

Привет! Сплю по пять-шесть часов, но чувствую, что мало, хожу и гавкаю на внуков. Даже на любимых гусей, сначала: «Люлечки-люлечки» а потом не выдерживаю: «Люльки! Марш домой!» Но они, послушные, не идут, а летят домой, иногда по пути на клубнику заворачивая.

Спасибо за совет – это я насчет покраски волос марганцовкой и луком. Теперь я, как баба Марфа, которая купила крем для ног и по большим праздникам морду себе мажет, буду еще слегка луком пахивать – это чтобы женихи не донимали, наверное...

Ты спрашиваешь, много ли у меня женихов в деревне. Ходят тут двое: один хромой, другой подслеповатый, обоим ближе к 80. Один Зигмас чего стоит. Вчера полю, вижу: ковыляет еле живой после очередного запоя. Хвастается, что козу купил, литр молока, говорит, надоил. Ну думаю, врет, наверное, козодой несчастный. Да, нет, слышу вечером через забор: «Бэ-э-э, б-э-э-э», и впрямь коза у него бродит. Значит жизнь совсем веселая у нас пойдет: раньше мы его кур всей улицей ловили, теперь за козой попробуй угонись. Пропали наши огороды!

Как-то собаки Зигмаса завыли. Воют в три голоса, уши закладывает. Я и говорю Йонасу: «Не иначе, как Зигмас преставился, не к добру этот вой». Мне сосед в ответ: «Он каждые две недели от запоя так помирает, а собаки от голода воют».

Вот так мы и женихаемся. Нормально живем. Налажен продуктовый обмен: он мне яички в кепочке тащит, я его помидорами угощаю. Через забор душевные разговоры ведем, непонятно на каком языке. Зигмас то ли поляк, то ли литовец, а может наполовину и русский, и пшекает, и бачит, хрен поймешь его тарабарщину.

Ну, да шут с ними, с женихами, меня сейчас другая проблема волнует: как пасти гусей, чтобы не присутствовать при этом и чтобы они в огород не забирались. Я тут придумала за лапку каждого гуся (как коров привязывают) к колышку привязывать, а дочь говорит, что не получится – в веревках запутаются. Просто дилемма какая-то с гусями!

Сделала изгородь, прибила колышки, протянула нитки, так они между нитками запросто пролезают. Ты вот новатор-механизатор – придумай, что мне делать с моими «люльками». Только учти – жарить – не годится! Пух там сплошной и веса нет.

Разверзлись хляби небесные... Я не выдержала, плюхнулась на колени и простерла руки к своему Аллаху. Сейчас между тучами скользит заблудившееся солнце, и есть надежда, что мы в очередной раз не потонем. Вчера сосед на тракторе пытался, прорыв канаву в полкилометра, спасти свой огород. Вода немножко утекла, но, увы, капуста все еще под водой. Когда весной я рыла свои катакомбы, поднимая грядки на немыслимую высоту, деревенские по привычке подсмеивались над причудами городской Пани. Сейчас мои огурцы победно торчат на грядках и даже цвести собираются. Но лук под вопросом, да и капуста неважно себя чувствует. Вечером в сапогах собирала клубнику. Отгоню плавающих лягушек и обрываю незрелые ягоды – сгодятся для варенья. И как ты понимаешь у меня тоже настроение НИКАКОЕ!

Представляешь, какой мудрый народ – бомжи – ни тебе сажают, ни полют и не переживают, что потоп будет, лежат себе пуза поглаживают и нервы берегут. Взять пример, что ли с них...

Ты, наверное, читал Маркеса «Сто лет одиночества», там тридцать лет идут дожди и тридцать лет засуха, люди с ума сходят от непогоды.

Одно утешение – прогулки в Канаву. Там я уже почти своя. Вчера лиса настолько обнаглела, полностью игнорируя наше с Миккой присутствие, уселась в траве как кошка и в лес не удирает. Спугнули мы с Миккой вчера косулю в Канаве, но та не дала на себя полюбоваться, скакнула, сверкнув красивой ярко-коричневой шерстью и скрылась в кустах.

Погода то жарит, то топит. Ближайшее озеро в десяти километрах, так что, когда машины нет, я далеко от бочки с водой не отхожу и вполне понимаю Диогена – по крайней мере в тени сидел. Гуси тренируются, разбегаются и крыльями машут. Это они похоже на Север собираются, а куры от жары в землю начали закапываться. Дыни мои разрослись и расплодись, но ливни похоже их погубят, если я в своей Канавии еще одну Канаву не вырою.

Здравствуй, Виктор! Умер первый президент Литвы – Альгирдас Бразаускас. Хороший, конечно, был человек. Как всякий покойник. Три дня по радио, не умолкая, говорят только о похоронах, а телевизор вообще страшно включать. Есть у литовцев праздник мертвых, Хэллоуин называется, осенью где-то. Так на этот праздник ночью собирается народу на кладбище больше, чем в советские времена на 1 мая. Свечки на могилах горят, духи усопших летают – красота да и только! Любят литовцы покойников больше, чем живых. Через дом от нас живет старик вдовец Зигмас, живет небогато: гектаров пятнадцать земли, тракторишко старенький, на котором сын его пашет, домой к нему не зайти – живет, как самый последний бомж. Так вот, на кладбище мне показали памятники на могилах его родственников – огромные черного мрамора деревенские затеи. Гуляешь по литовскому кладбищу – везде цветочки посажены, ни единого сорняка. Наши соседи, Йонас с Яниной за двадцатью (а может и больше) могилами постоянно ухаживают. Есть такой анекдот: мужчине надо три раза жениться: сначала на еврейке – дети умные пойдут, затем на русской – очень уж страстные и на литовке – за могилами хорошо ухаживают. Но самый большой байер на тему покойников я видела в интернете. Есть у нас на сайте один правозащитник. У него в блоге увидела фото: кладет этот самый правозащитник на могилу цветы, а могила, знаешь чья? Четко на мраморном памятнике выбита

фамилия и имя этого самого правозащитника. Вот как люди о спасении души заботятся! Я спросила его, а не коллаж ли это – он обиделся!

Хотела узнать, не читал ли ты «Смирненное кладбище» Сергея Каледина, да вовремя вспомнила твои гневные излияния по поводу Маркеса.

Привет из страны Засрандии! На западном фронте без перемен. Засранки и засранцы также без устали засирают всю нашу зеленую площадь – это там, где мы мечтали в теннис играть. Плакал наш теннис, по три раза на дню плачет небо, на улице не поймешь что: то +32, а иногда и +12.

Насчет гусей – ты совершенно не прав. Ходят гуси за мной по пятам, помогают мне во всем: и смородину собирать, и грядки пропалывать, не беда, что вместо сорняков они капусту дергают – где им необразованным сорняки от полезных растений отличать. Подходят ко мне, сережки мои пощипывают, аккуратно так на зуб пробуют белые горошинки жемчуга. А крыльями они машут – так это зарядка у них такая, жарко очень, крылья вместо вентиляторов.

Если серьезно, то с гусями в смысле воспитания у меня тоже промашка вышла, приручила я их так к себе, что они решили: главное их на этом дворе никого нет и никого так не любят, как их белокрылых. В один прекрасный день полезли они на клумбы и истрепали все цветы, в очередной раз поели капусту и обобрали смородиновый куст с

необыкновенно крупными ягодами, который дочь берегла для показа гостям. Забрались на соседний двор учинили там дебош, перевернули тарелки с едой для утят, а самих утят загнали в сарай. Пришлось применить крайние меры! Есть в литовских передачах по радио расхожая фраза: «Ужdarит и арештине». Этой фразой всегда заканчивается любое сообщение о поимке преступника и означает оно: запереть в арестантскую. Заперла и я их в старый дровяной сарай, и они вместо зеленой травки теребят всякие старые тряпки и провода. Охолонуть немножко не помешает, тем более при такой несусветной жаре.

Кстати, какая птица самая храбрая? Нет, не гуси, а курицы. В связи с недостатком жилплощади приходится всей моей живности в одном сарае уживаться. Когда гуси в первый раз заявили к курам в сарай, рыжая пенсионерка с завалившимся гребешком, широко расставив лапки и растопырив крылья, так наскочила на гусей, что те в страхе разлетелись по сторонам, а один в предсмертных судорогах забил крылами и запищал так жалобно – думала конец ему! Поэтому гуси Рим спасли не потому, что они храбрые, а как раз наоборот, что по всякому поводу сразу шум поднимают.

Стучу-стучу, а у самой в голове: кто же сегодня в крапиву полезет малину собирать. Сплет ведь окаянная, а как же не спеть, если жара +30. Ни собирать, ни есть ее не хотят! Видно судьба у меня такая злосчастная – вечно в крапиве пастись и малину поедать. Хоть бы ты помог что ли... Пока, беспутный нелюбитель Маркеса!

Привет Виктор! Опять меня тянет на пасквиль по поводу твоего стиха – в нем ты сам не свой:

Отцвели уже липы в саду
Поезда мне сказали «Ту-ту»
Я кораллы губ твоих не забуду
Разрешения любить я добуду...

Не обижайся, не Лилия я, а Крапива... Кстати насчет крапивы: замочила бочку крапивы – нет лучшего удобрения, только запах гнусный, куда там навозу.

Здравствуй, Виктор! Это ты мне в отместку за критику! Но я не обижаюсь! Разве вдобавок ко всем своим профессиям я еще водовозкой хочу стать? Просто вечером, когда от усталости я тащу ноги на плечах, а комп потом посылает меня на восемь букв: «Don't send», о каком интернете можно мечтать! Поэтому и не писала. Опять же насчет песни – в наших Канавках такие «коралловые» песни отродясь не водились, зато как пересмешник поет: то по-цыплячьи, то меня передразнивает: «Цып-цып-цып!» Или кошкой замяучит, и я не знаю, кого спасать и от кого: то ли цыплят от кошки, то ли кошку от собаки, бросаюсь в ноги, а эта крошечная птаха – чирк и улетела!

Насчет татарника – в самую точку! Царственно-колючий цветок! Жил у нас в Казани старый художник, народный, между прочим. На одной из его картин нарисован татарник: в снежной завесе метели торчит этот самый татарник – ни ветер, ни мороз его не берет. Хотела бы и я таким татарником стать. Кстати, писал тот художник мне на заказ картину, то ли поздней зимы, то ли ранней весны. Там много снега и узенькая полоска леса. Для себя я называю эту картину: белый квадрат Карамышева. Если бы я ту картину с татарником раньше увидела, не стала бы я «белый квадрат» заказывать. Но художник он был хороший – мир праху его!

Привет! Канавия приходит в себя после потопа, а на подходе – жара несусветная. Говоришь, «полковнику никто не пишет!» – это тоже между прочим из Маркеса. Ну, да ладно, задолбала я тебя Маркесом. Расскажи, что за ягода полуника. Эта та, которую только в полночь можно есть? Или половинки «ников» развешаны по ёлкам. Не томи – расскажи! Помнится, читала я как-то про нее, но память старческая подводит. Хоть помечтаю о полунике, надоело клубнику гнилую лопать. Да и нет ее уже, сгнила совсем.

...Когда родилась Александра, мой зятек мотанул в Вильнюс, якобы за карьеру сражаться. Сразу по выходу на пенсию я рванула в Литву спасать дочку и внуков – у Кристины после родов – стеноз митрального клапана. Через несколько месяцев после моего приезда в Литву Витас вернулся из Вильнюса озабоченный: а вдруг молодая и красивая жена гулять будет, раз есть с кем детей оставить.

...Может я слишком пристрастно к зятю отношусь: он вырос в многодетной семье (семеро детей), отец алкоголик, что он видел и кто его воспитывал, если его мать говорила: какой у меня Витас спокойный, посажу возле телевизора, он и сидит весь день.

Пьяный отец часто бил мать, обзывал её курвой, и однажды, после очередной драки маленький Витас подошел к плачущей матери, обнял ее за ногу, приласкался и сказал: «Ты моя курвочка». Вот так его детство и прошло...

Привет Виктор!

Та ягода, о которой ты пишешь, больше известна под названием земклуника – это просто одичавшая клубника, но не всякая клубника таким способом дичает, приобретая волшебный вкус и аромат. А про твою ягоду я подумала (раз ты ее с балкона кушаешь), что это гибрид вишни с какой-то экзотической ягодой, не помню какой.

Листья и у нас сыплются желтые с вишен, с яблонь правда нет, но вишни стоят пожелтевшие и побуревшие. Кристина (агроном, как никак) говорит, что это какой-то там кока (куку) – микоз, ей, конечно, виднее, а вина вишневого нам в этом году не видать. В прошлом году вино отличное вышло, булькало полгода у меня под ухом у кровати, жаль шланг был короткий – можно было бы пробу снимать прямо не отходя от бутылки.

То, что природа сдурела, превратив все времена года в одну осень, очевидно. У нас опять пошли дожди, и мне жаль не только петунии, которые совершенно не переносят мокрой погоды, но и тебя – голова кругом пойдет от круглогодичной любви.

Пока! Влюбляющийся осенью, любитель осенней погоды...

В нашей стране Канавии без перемен, если не считать сегодняшней бури и вчерашнего наводнения. На день рождения мне подарили петуха и парочку декоративных крохотных курочек. Петух – для побудки и поднятия боевого духа кур, а курочки – для души, красивые и трогательные создания. Представляешь, «подарок» мой сбежал, взлетел на забор и понесся по грядкам. Я только стонала, подсчитывая убытки. Мы с внуками гонялись за петухом, да как его поймашь, если он еще летать умеет. У соседей были гости, так они ставки начали делать: кто же все-таки поймает – бабуля или внуки. По всей деревне гонялись за петухом понапрасну. Жаль, такой был огненно-рыжий красавец. В шесть утра Зигмас кричит Яне: «Смотри, что делается!» А там два петуха сражаются насмерть: Янин и наш. Окровавленные, глаза сверкают, перья летят... Тут мы их втроем окружили, и Яне поймала. Подрезали мы ему крылья, теперь голосит, к новому гарему привыкает. С каждым днем в голосе его оптимизма больше...

И все из-за Александры, это она хвост петуху выщипала. Я видела, как она гусей купает: схватит за шею и окунает в пруд, поэтому гуси шипят на Александру, долго обиду помнят. Вот так мы и живем в нашем зверинце.

До встречи в родных краях...

По дороге, что ведет к Васильевскому кладбищу, бредет одинокая женщина. В руках у нее верба. Не та, что весной распускает мохнатые желтые цветы. Такую вербу делают в Литве из сухоцвета, по случаю Прощеного Воскресения. Губы ее бормочут: «Прости... Прости за все и за судьбу нашу нескладную, и за «не джентльмена»... Подвозил Виктор как-то ее огуречные банки с дачи. Надо было поднять на четвертый этаж. На втором задержался и молча передал банки, чтобы донесла до квартиры. Мелькнуло у нее тогда в голове: «Не джентльмен!»

Молчаливая болезнь стенокардия у Виктора оказалась...

Признание в любви

Эта маленькая история случилась в Вильнюсе, в том районе, где много частных домов. В одном из них проживала, да и сейчас проживает сестра моего мужа – Бируте. Есть у нее два сына. Младшему Йонукасу было тогда года четыре и он, казалось, не знал человеческой речи – все с ним изъяснялись с помощью тумачков. Йонасу – затрещина, он тебе – две. Вот так и жили – не дружили.

Со старшим всё было нормально, обыкновенные мальчишеские повадки и интересы. И на риторический вопрос: откуда взялся такой Йонукас, одна природа могла дать ответ.

Бируте, человек творческий, вязала много красивых вещей, пекла очень красивые торты, которые невыносимо жалко было есть, и не очень была озабочена воспитанием сына.

Мы жили в Каунасе и часто приезжали к родителям моего мужа в Вильнюс и заодно посещали сестру. Я тогда была в положении, уже где-то на восьмом месяце. И вот, представляете картину: такой пончик (точнее «пончище» – я еще тогда носила пончо) и маленький Йонукас играют в прятки в саду. Или, приспособив стенку дома под игру в «козлы», большая и «круглая» тетя с маленьким мальчиком прыгают через мяч. Почему Йонас перестал драться, никто не мог понять да и я тоже.

Он не только перестал драться, он стал разговаривать. Рассказал мне о своих друзьях ласточках, про большого кота Муркинаса, о том, как ласточки атакуют кота, когда тот пытается пробраться на крышу. И уже под вечер Йонас повёл меня за угол дома и, взяв за руки, выдохнул: «Будь моей... мамой!»

Другая история произошла много позже. Мы жили тогда в Набережных Челнах, на берегу маленькой речки Мелекески. Этажом выше жила женщина с сыном Алёшей и двумя белыми кошками. Женщина много и безобразно пила. Её истерические пьяные вопли сотрясали весь подъезд. Это в запойные дни, а трезвая – совершенно спокойная и красивая женщина.

Когда мать пила и Алеше становилось совсем невыносимо, он забирал своих кошек и приходил ко мне. Мы наблюдали, как беззаботно игрались две белоснежные Алешины кошки и моя трехцветная.

Я часто пекла пироги, кормила его, и он, уходя домой, просил: «А можно я возьму и маме?» Я пыталась сделать сердитое лицо и, конечно, не могла отказать ему.

Спустя годы, уже живя в Казани, получила от Алёши письмо. Бесхитростное письмо одинокого ребёнка. В конце приписка: «Вы мне дороже Ленина». Для того чтобы понять что означало такое признание, надо жить в то время, когда имя Ленина значило гораздо больше, чем сейчас Божье.

Я никогда себе не прощу свой довольно небрежный ответ Алёше. Конечно, перестройка, проблемы, ... но всегда будет стоять перед глазами мальчик с двумя белыми кошками под мышками.

Злая мочютэ

Слово «внук» на русском, татарском, литовском и украинском языках звучит почти одинаково. Может одним словом, словно первородным гортанным криком выразилась радость по поводу рождения маленького человечка...

Это случилось накануне Нового года 30 декабря. Стоял легкий морозец, где-то ближе к обеду выглянуло солнце, скудным зимним теплом согревая снежные поля, крыши домов. Зазвучали детские голоса на улице, послышалось тявканье собак – деревня оживала.

Мочютэ с утра толклась на кухне, готовя сначала завтрак, потом обед лесорубам. Визги детей, не желающих вставать, головная боль после бессонной ночи, затухающие печи – все раздражало Мочютэ. И зачем надо было врубить будильник среди ночи? Чтобы он методично выпевал с двух часов ненавистную мелодию? Понятно, что братья долго не виделись и проговорили до часу ночи, но будильник-то зачем!?

Нет, положительно, все решили известить несчастную Мочютэ. И по имени ее никто уже не зовет, так все и зовут Мочютэ – «бабуля» по-литовски. Бабуля пнула в сердцах бутылку, валяющуюся на полу. Это же надо столько выпить! Вот, сосед Йонас выпил две рюмки и пошел себе домой. И ведь стучала в дверь, просила не гоготать как на параде, ночь все-таки, и дети толком не спят, так нет еще и будильник на мобильнике включили! И теперь у Мочютэ вместо сердца сплошная ноющая боль и руки дрожат, точно она всю ночь пропьянствовала.

Конечно, не удивительно, что Альгис вернулся из Ирландии безработным, кому он там такой пьяница нужен. И зятя с толку сбивает. Хорошо, что еще жена стерва попалась, такому как Альгис, другой и не надо. Они ее дразнят «сувалькете». И неправда, что название народности «сувалькечай» произошло от русского «сволочь», вот и соседка – сувалькете, а какая работающая и порядочная. Это скорей всего все «дзукай» – неряхи и пьяницы, весь день ходит Мочютэ и за зятем вещи его разбросанные подбирает.

Визги и вопли дерущихся детей набирали обороты. И надо же было случиться, что у Кристины первым родился сын. Именем-то каким назвали, в честь Ричарда Львиное Сердце. Какой он Ричардас, так – Ричка – бестолочь и лентяй. Спокойно не пройдет, чтобы Александру не ударить. Вот и сейчас стоит Александра и плачет. Ричка – довольный, рядом надсмехается. И, вдруг, Александра развернулась и – «хук» левой – и уже Ричка согнулся в три погибели и верещит, несмотря на свое «львиное сердце». Что за дети!? А ведь, между детьми пять лет разницы, а ведут себя, как будто обоим – шесть. В ушах продолжали звенеть детские вопли. Мочютэ не вытерпела и решила: а что, если я – тоже также?

Сделав страшное лицо, заходит в комнату к детям и кричит, как самая настоящая ведьма. Дети изумленно уставились на бабулю:

– Вот я тоже буду орать как вы! – выкрикнув это, Мочютэ помчалась обратно на кухню на запах пригорающих голубцов. Детей больше не было слышно. Неужто помогло?

Теплые лучи невысокого зимнего солнца пронизывали все комнаты и грели, наверное, больше, чем печи.

– Пока светит солнце, надо чтобы дети погуляли. – Мочютэ позвала Александру и сказала ей, чтобы та шла на улицу. Александру долго упрашивать не пришлось, моментально собралась. Мочютэ только успела спросить, тепло ли она оделась и наказала далеко не уходить – скоро обедать.

Нажарив голубцов и поставив их тушиться, Мочютэ взглянула на часы: пора звать Александру. Ричка незадолго перед этим поехал на велосипеде в лес отвозить топор отцу. Александры во дворе не оказалось. Не было ее и у подружек. Продавщица в магазине подтвердила, что Александра с Габией и Каролиной появлялись в магазине час назад. Мочютэ кинулась

на другой конец деревни, высматривая красную шубку внучки по дворам. Несмотря на солнце, ветер пробирал до костей. Еле плетясь от усталости, Мочютэ вернулась на свою улицу. Подошла к той замерзшей луже, на которой по словам Габии каталась Александра. Нет, утонуть тут невозможно. Долго глядела в сторону леса, на поле и дорогу, ведущую к лесу – никого не было видно. Гнев и злость сменили бессилие и отчаяние. Это же надо, такая бродяга, только неделю назад из-за неё без памяти валялась. Пропала как всегда. Углядела её Мочютэ на другом конце деревни, по красной шубке узнала. Тащил её какой-то мужчина за сараи. И разглядеть-то не могла куда точно. Задыхаясь, осела... Выяснилось потом, «мужчина» сестрой Доминикаса оказался. Аста одета была по-мужски. Или – повисла у соседа на заборе, кверху попой, а внизу колья металлические и бетон. Хорошо, что вовремя успела. Недалеко была – услышала. Вот и боится Мочютэ, а вдруг когда-нибудь не услышит, не успеет...

Вернулась домой и позвонила зятю в лес. Нет, Александра к ним не приходила. Мочютэ вновь обошла всех близлежащих соседей, и уже соседи подключились к поиску. На машине объездили всю деревню, заходя в дома, спрашивая, не встречали ли девочку в красной шубке. Александры нигде не было. Мочютэ металась по деревне, с побелевшим от страха лицом, пугая и вызывая жалость. Потом вспомнила про голубцы, что надо кормить людей, вернулась домой. Зазвенел мобильник. Зять и сообщил, что Александра пришла к ним.

Когда за окном зарокотал трактор с дровами, стол уже был накрыт. Первыми зашли Александр с отцом. Зять, стоя на пороге, просительно заглядывая в лицо Мочютэ, сказал:

– Ну, вот смотрю – стоит. Пришла – говорит...

От этого покорного, жалобного взгляда зятя, совсем у бабули разум помутился, кинулась она к Александре, нащупала ее ноги – так и есть! До колен совершенно мокрые! Темные следы на большой луже у околицы деревни не обманули: Александра разбила ботинками лед, как Ричка учил, провалилась под лед и пошла к отцу с мокрыми ногами за четыре километра в лес. Чтобы свирепую Мочютэ не видеть.

Схватив резиновый шланг, Мочютэ потащила Александру лупить. Пытаясь вытряхнуть её из шубки, бросила шланг. Когда шубка полетела в угол, шланг исчез – это Ричка пришел на помощь сестре. Мочюте в ярости набросилась на Александру, стащила ее с дивана и кинула на пол. Александра крутилась на полу, изворачиваясь от тумачков Мочютэ. Известно, сколько бы еще лупила бабушка внучку, если бы вдруг из соседней комнаты не выскочил Ричка и не заслонил собою сестру. Он стоял как маленький львенок, слезы не капали, а текли ручьем по щекам, подбородок дрожал и весь он трясся от ярости, сжав маленькие кулачки, крича Мочютэ обидные и злые слова:

– Динкит иш ча! Аш ужмушу юс!

И словно Мочютэ стегнули по лицу. Она отступила от Александры в бессилии, задыхаясь от гнева, пыталась объяснить Ричке, как он плохо поступает. И, что «маленькая бродяжка» должна получить по заслугам. Путая литовские и русские слова, на какой-то невероятной тарбарщине, плача и ругаясь, Мочютэ еще долго кричала, «какие плохие внуки» у нее растут.

Потом, когда всё улеглось, когда все отплакались и помирились, Мочютэ подошла к Александре, взяла ее за маленькие ручки и спросила:

– Так, почему же ты ушла в лес?

– Ман людна буво...**

С литовского на русский язык слово «людна» переводится как «печально». Наверное, это не совсем правильно, само звучание этого слова заключает в себе глубокую печаль и тоску.

– Почему тебе стало тоскливо?

– Габия и Каролина не захотели со мной играть, и я захотела к папочке...

И представила себе мочютэ, как шла маленькая девочка в красной шубке, коротких штанишках, из-под которых выглядывали голые ножки, в стареньких Ричкиных ботинках через снежное поле. Не пропуская замерзших луж, каблуком раскалывая лед и проваливаясь в ледя-

ную воду. Шла напрямик, не привычной дорогой, по которой поехал Ричка на велосипеде. Повстречалась ей белочка в своей сизовато-коричневой драгоценной шубке. Перелезла через мелиорационный ров. Много видела кабаньих следов. Нет, живого не встретила. И косуль тоже не встречала, а вот следы собаки, а может и волка, видела.

Вспомнила Александра, как обманула однажды Мочютэ с мамой. Наставила пальчиками следы посередине дороги, похожие на волчьи, а потом мама вместе с Мочютэ долго изучали: как это, волк на крыльях что-ли приземлился – ни начала, ни конца...

Закончилась эта история весьма странно: Александра почти не заболела. Ребенок, который когда-то, по мнению врачей вообще не должен был выжить, столь тяжелы были роды и так она болела после рождения. Её и мыли по возможности, как можно реже – она имела обыкновение болеть после каждого купания. Ричка перестал лупить сестру, отец впервые не прикоснулся к купленному в тот вечер пиву. Мочютэ повезло больше всех: благодаря легкому недомоганию внучки ей не пришлось ехать в гости, куда ей вовсе не хотелось.

* Динкит иж ча! Аш ужмушу юс! – Убирайтесь вон! Я убью вас! (лит.).

**Ман людна буво – Мне стало тоскливо (лит.).

Одиночество

– Смотрите, опять этот старик сидит, – продавщица Вильма, отдернув занавеску, посмотрела на крыльцо.

Заведующая вышла из магазина и вскоре вернулась. Не вышло у нее прогнать старика. Он как сидел, уставившись в одну точку, так и продолжал сидеть. Никого и ничего не видя. Не видя, как мальчишка ухватил один из трех кульков с ягодами из его сумки. Не видел, как рассыпались ягоды из второго кулька. Старик приходил вместе с первыми посетителями и уходил, когда магазин уже запирался.

Проходил сезон клубники – в сумке у старика появлялись семечки. Похоже, покупатели не очень интересовали старика. Смотрел он сквозь них покрасневшими слезливыми глазами, плохо слыша, что говорят. Воробьи таскали у него семечки, жестокие мальчишки, поднимаясь по ступенькам, старались, как бы ненароком, задеть ногой его сумку. Старик не шумел на воробьев, не ругал мальчишек. Сидел дотемна.

Жил он через две улочки и жил не в какой-нибудь халупе, а в большом двухэтажном доме. Когда-то в доме кипела жизнь. Вырастили вдвоем с женой двух дочерей, выдали их замуж. Со смертью жены жизнь затихла в доме. Дочери приезжали редко: семья, дети малые. А он еще реже навещал дочерей, чувствовал себя там чужим и ненужным. Забросил совсем свой огород. Только укоризненные взгляды соседей заставляли его браться за газонокосилку, сажать вокруг дома ненужные ему цветы. Торчали эти цветы-сиротки потом как попало и где попало.

...Пустил он Лайму с сыновьями на квартиру не потому, что нуждался в деньгах. Пустил на второй этаж, за небольшую плату. Что возьмешь с вдовы с двумя детьми. Лайма быстро нашла работу на рынке, мальчишки-погодки пошли учиться в школу.

Когда Лайма, стуча каблучками, возвращалась с работы, у старика сильнее начинало биться сердце. Какая-то неведомая сила поднимала его, заставляла суетиться, хвататься за домашние дела. Затеял он ремонт в доме. Помогала ему и Лайма с мальчишками. В доме стало светлее, запахло краской и жильем.

Как-то вечером, после работы Лайма красила у себя в комнате. Старик, наварив кастрюлю супа, решил пригласить на ужин Лайму с детьми. Поднявшись на второй этаж, он едва успел подхватить на руки падающую с лестницы Лайму. Кровь бросилась в голову, горячей волной побежала по телу. Старик только и смог выдохнуть:

– Пожалеи! Не могу...

Лайма аккуратно освободилась от рук старика. Тихо, почти неслышно сказала:

– Не сейчас, не теперь... Только после свадьбы.

Приехала дочь старика. Просила, упрашивала:

– Только не расписывайтесь! Не Лайма* она, а Лауме**! У меня соседка из деревни, где жила Лайма, рассказывала: муж ее сидит в тюрьме из-за нее!

Отец, словно не слыша ее:

– Она у меня денег попросила, 50 лит. Я ей дал – она так обрадовалась!

– Вот видишь! Деньгам она твоим радуется, а не тебе!

Старик, мечтательно куда-то сквозь нее глядя, продолжал:

– Я так рад, что сделал ей приятное...

– Памятью матери умоляю – не женись!

Потом, поняв бесполезность всех уговоров, сказала на прощание:

– Приезжай ко мне жить, когда прогонит...

Свадьба была скромной, с его стороны не было никого, с ее – две подружки-торговки с рынка, на котором устроилась работать Лайма. После свадьбы поторопился старик оформить Лайме «дарственную» на дом. И Лайму как подменили. Вместо скромной молодой женщины поздно вечерами приходила пьяная накрашенная ведьма. Пьяные крики разгоняли тишину в доме, будили мальчишек и загоняли старика на мансарду. Туда, где – потише, где раньше жила Лайма. Где жило его разбитое «Счастье».

Возвращалась Лайма иногда с шумной компанией. Дом тогда гудел и сиял всеми окнами до утра. Иногда не возвращалась совсем – пропадала на несколько дней. Мальчишки жили сами по себе. Когда Лаймы не было, старик им готовил. Утешался, что не один. Не чужие вроде...

Мальчишки подрастали. Подрастали и проблемы, связанные с ними. Угодил старший в тюрьму – пришлось потратиться на адвоката.

Потворствовал старик капризам молодой жены: ни один праздник не обходился без дорогого подарка Лайме. Быстро иссякли его сбережения, пенсии едва хватало на еду и самое необходимое.

Купил старик большое зеркало в роскошной раме, чтобы молодая красивая жена могла на себя любоваться. Стыдно было занимать у соседей деньги, но разве хватит его пенсии на такую дорогую вещь.

Осень. Семечки уже никто не покупает – их продают в магазине. Старик сидит на ступеньках магазина, в руках у него тальянка. Тянет он свою тальянку и тихонько поёт. Поет не за деньги. От одиночества.

* Лайма – счастье (лит.)

** Лауме – ведьма (лит.)

Ссылка

По воспоминаниям Алдоны Гурскене, урожденной Пирагайте.

Маленький Пранас, сидя в кабине машины, крутил воображаемую баранку и довольный кричал: «Ту-Ту-у». Холодной осенней ночью увозил грузовик семью Пирагасов на железнодорожную станцию. Так началась ссылка многодетной семьи в далёкую Сибирь.

Отец, Антанас Пирагас, доброволец Литовской Армии с 1918 года, имел 30 га земли в деревне Кудиркяй Пренайского района, из которых 10 га получил за военную службу. В колхоз пошел одним из последних, работал там счетоводом.

В 1949 году в семье родился одиннадцатый ребенок – Пранас. За новорожденным и мамой – Казимирой Пирагене в Каунас поехали отец, я и брат Альгирдас. При возвращении домой нашу повозку остановила машина НКВД. Первый вопрос был: «Где Альгирдас?» На наше счастье Альгирдас уехал раньше с соседями и таким образом избежал ареста. Когда приехали домой, обнаружили жуткую картину: все было перевернуто, вывороченные доски из пола, растоптанные продукты – что не смогли съесть и унести. Самое страшное – двух старших братьев Антанаса и Альбинаса арестовали и увезли в НКВД. Братья состояли в резервной группе партизанского движения «Железные Волки» Таурагского района, их выдал предатель Казялис. По решению суда они были сосланы на 10 лет лагерей в Казахстан.

Несмотря на пытки, братья никого не выдали.

Альгирдас избежал участи братьев, долгое время прятался и жил нелегально.

Жестокие были те времена, кровавые. На многие десятки лет сохранила людская память страшные картины расправы «стрибов» («народные защитники») с партизанами.

Рассказывает Броня Пирагене:

«... Когда мы подошли к школе, там лежало 12 трупов. Трупы уже разлагались, их не позволяли хоронить, чтобы еще больше устроить жителей деревни. Каково было матерям видеть мертвых, изъеденных червями своих сыновей?! Сердца каменели от боли и ненависти.

... Когда в деревню приходили стробы, они отнимали продукты, уводили скот. Приходили партизаны, мы сами отдавали продукты. Трудно очень и бедно жили тогда»

После ареста братьев, долгое время стробы приходили по ночам с обысками – искали Альгирдаса. Уводили скот, не смотрели, что многодетная семья. Чтобы как-то выжить, прятали корову в лесу.

Один такой обыск братья сфотографировали. Увидели – отняли и разбили фотоаппарат. Злобствовали беспредельно, наверное, потому, что не могли сломить нас и что, несмотря на весь ужас, продолжали жить нормальной жизнью. Учились мы хорошо, ходили в школу в деревне Сабаленай. Семья была трудолюбивая. Мы долгое время надеялись, что нас не тронут, тем более что мать имела медаль «Мать героиня». Да и куда спрячешься с девятью детьми. Мама была уже беременная двенадцатым ребенком.

И тогда ночью, когда пришли в последний раз, надеялись, что дело закончится обыском. Стук раздался в два часа ночи. Усадьбу уже окружили. Стробы требовали, указать, где находится бункер партизан. Отец сплюнул и сказал: «Вам приказали увезти нас, так не ищите дураков и исполняйте приказ!»

Нам приказали собираться в дорогу.

Такая большая семья не бог весть, что имела в запасе из одежды и продуктов. Во время сборов заходит колхозник Жикус. Отец передал ему деньги, чтобы он купил сала в дорогу. Увы, сала Жикус не принес, как оказалось впоследствии, деньги он пропил. Узнав, о страшной вести, пришел из соседней деревни брат отца Альбинас, предложил маленького Пранаса оставить

у них. Отец не согласился на разлуку с малолетним сыном. Была осень, картошка была убрана, но с поля еще не успели вывезти. Нам обещали, что по дороге заберем.

Собрав свои пожитки, сложили в машину. Пришли соседи, проститься. Никогда не забудутся последние минуты расставания с родным домом; распахнутая дверь, все разбросано, висит на стене распятый Христос, точно символ, что наши настоящие страдания только начинаются... и предчувствие, что больше никогда сюда уже не вернемся...

Машина тронулась, и мы запели:

Дует-дует холодный ветер,
Ломают дуба ветви,
Увозят наши семьи на Север
Советы, пришедшие к власти

Песня обозлила стрибов – машина не остановилась. Остались мы без картошки. Привезли нас на станцию Мауричай, здесь уже стоял товарняк с решетками на окнах. Так мы и оказались 2 октября, 1952 года, легко одетые, без достаточных запасов еды, в товарном вагоне для перевозки скота. Кроме нас в вагоне было много других семей из разных уголков Литвы, среди них были инвалиды, дряхлые старики, малолетние дети, беременные женщины. Так выглядели «враги народа». Под стенания и слезы, увозил нас поезд из родной Литвы, многих уже навсегда.

Как говорила мама: «Живым нет места на кладбище – приходится жить», так и мы, вскоре успокоились и разговорились. Оказалось в вагоне шестьдесят человек из Каунаса, из Гарлявы, из Преная и многих других мест. Спали на узлах, которые захватили из дома. В конце вагона была проделана щель, на ней стояла посудина без дна – это был наш туалет. Самое тяжелое – это отправление естественных потребностей: двое держали простыню, когда третий сидел на посудине.

Была уже поздняя осень, в вагоне было холодно, обогревались «буржуйкой». Мы, дети в конце вагона проделали щель, через которую могли видеть унылые осенние поля, серебристые змеи рек, на высоких берегах которых склонились вывороченные сосны, деревеньки с низенькими домами, точно ушедшие в землю. Чужая природа, чужой страны! Сердце щемило от тоски и страха за свои судьбы.

Настроение людей в вагоне было подавленное. Многие заболели, кто-то плачет, кто-то молится. Отец был большим оптимистом. Он успокаивал нас: «Чтобы мы не делали, все равно они сделают свое черное дело. Лучше не показывать врагу свою слабость». Мы писали письма на Родину своим родным и через щель в полу выбрасывали, проезжая какой-нибудь населенный пункт. Всегда находились добрые люди, и часть писем попадала адресатам.

Еду нам приносили конвоиры, обычно суп и бидон воды; хватало, чтобы не умереть с голоду и жажды. О том, чтобы умыться и речи не было. При такой жизни быстро заводятся паразиты, вскоре нас замучили вши.

Через две недели такой мучительной дороги нас привезли в Томск и высадили на берегу реки. Выдали на три дня паек и пересадили на пароход «Некрасов». После душного и грязного вагона «Некрасов» показался нам божьим даром: воды сколько угодно, наконец-то можно было отмыться от вшей и другой нечисти. Через окно можно было свободно наблюдать окружающую природу. Места были неповторимые: всюду – бескрайняя тайга, подступающая к берегам, поваленные деревья, стволы деревьев, плывущие в воде. И кругом – холодная гладь осенней реки, местами ширина Оби достигала 3 км. Изредка можно было увидеть голый берег с одиноким деревом, точно заблудившимся путником, поднявшим свои ветви-руки просящие о помощи. Так мы приплыли в районный центр Колпашево, находящийся от Томска на расстоянии 500 км. Дальше «Некрасов» не пошел, капитан побоялся, что река замерзнет, и он

не успеет вернуться обратно. Здесь нас пересадили на баржу, которую тянул катер. Заметно похолодало, уже не до красот природы – погреться бы.

Высаживали по пять семей. Первые семьи высадились в Каргасоке, со следующими пятью распрощались в Тополевке. Проехали около тысячи километров, когда нас ссадили в Александровке, небольшом районном центре. Деревянные дома, деревянный тротуар, один мост, один трактор. Все пять семей разместили в недействующем детском садике. Всем взрослым сделали инъекции, после которых приходили в себя три дня. После этого отвели в баню. Нашу одежду, в которой мы были в дороге, сожгли. Хотя и встретила нас Александровка холодной, почти зимней погодой – было уже 19 октября, мы почувствовали себя другими людьми.

Края те были суровые, девять месяцев зимы. Практически никакой связи зимой не было, почту привозили санями за тысячу километров, от деревни к деревне. Продукты доставляли только летом, по реке. В Александровке была рыбная фабрика, большую часть рыбы сушили и увозили, что покрупнее – коптили, был также и консервный цех. В колхозе выращивали свиней и коров. Свиней кормили рыбными отходами, пришлось и нам отведать рыбных голов. Хорошо помнятся спустя 50 лет цены на рыбные головы. Килограмм голов щуки и налима стоили 3 копейки, язя и подъязя – по 5 копеек. Голова осетра была деликатесом и нам была не по карману, стоила 50 копеек за килограмм. Никаких фруктовых деревьев не росло на этой земле. Успевала вырасти только картошка. С собой мы успели захватить мешок яблок. Эти яблоки, можно сказать, и спасли Пранаса – мы их меняли на молоко. Хорошо помню, как я, зажав в кулаке яблоко, иду менять его на молоко. Как мне самой хотелось съесть это яблоко и как не хотелось отдавать его чужим людям! К тому времени родился двенадцатый ребенок – Кестас. Злые гримасы судьбы-пересмешницы – маме вручили вторую медаль «Мать героиня». Вот так и жили мы с дважды «героиней», десять детей на краю земли и совсем не у «Христа за пазухой».

Два старших брата Альгирдас и Альгимантас работали в колхозе, возили сено на ферму. Работали много, платили мало. За один рабочий день получали 1 рубль 80 копеек, а за стол садилось 12 человек.

А тут еще случилась беда – заболел Альгимантас чахоткой. Целый год не работал,пил барсучий жир. В доме, где мы жили, было сыро и душно, поэтому спал он наверху сарая в сене. Зароется в сено, а утром мы его находили по пару, который поднимался из сена. Так и выжил и выздоровел полностью.

Отец, Арвидас, Казимирас, а иногда и я с сестрой Онуте по договору с пекарней заготавливали дрова. Основным инструментом была пила «Дружба-2». Пусть непосвященные не подумают, что это бензопила. Ручная пила с двумя ручками, поэтому ее в шутку так и называли, что пилили всегда вдвоем. Наша одежда не спасала от холодов, поработав, мы бежали в пекарню согреться. Рабочие пекарни, видя какими голодными глазами мы смотрим на хлеб, угощали нас горячей выпечкой. Так мы потихоньку и выживали. Многие годы спустя мама говорила: «Перед смертью нигде так не хочу побывать, как в Александровке. Какие люди там были!»

Администрация колхоза, узнав, что мы несовершеннолетние, потребовала освободить нас от работы в пекарне и работать в колхозе. В конце концов, оба старших брата отказались работать в колхозе. За нарушение рабочего порядка оба получили по 15 суток ареста. После ареста они опять не вышли на работу. На общем собрании нашу семью исключили из колхоза.

Какую-то человечность администрация проявила и нам выделили небольшой в 16 кв. м заброшенный бревенчатый дом. На полу всем хватило места спать, да вот беда, на нас напали клопы, в этом доме 4 года никто не жил и они были очень голодные.

После выхода из колхоза, отец заключил договор с другими работодателями. Начали работать в лесу, заготавливать дрова. Работа была тяжелая, надо было валить кедр, обрезать сучья и распиливать на метровые бревна. До вырубki 5 км. Каждый день по 10 км пешком. Вернувшись домой, после ужина шли в вечернюю школу, за непосещение нас ждал штраф.

Может благодаря этим жестким условиям, у нас в семье почти все братья потом получили высшее образование. Нет худа без добра, вспоминая годы ссылки, отец как-то сказал: «Хорошо, что выслали, а так в навозе и копались бы всю жизнь». Большой оптимист был наш отец. К тому времени жизнь наша изменилась к лучшему. Старшие братья на лесопилке зарабатывали по 300 рублей. Мы уже не голодали. И к климату попривыкли, а морозы там были 40—45 градусов ниже нуля. Зимы были очень снежные, по такому снегу на обычных лыжах трудно было передвигаться, поэтому местные жители пользовались широкими обитыми оленьими шкурами лыжами.

У нас появилась возможность отстроить новый дом. Старшие братья Альгис и Альгимантас поехали вверх по Оби заготавливать лес на строительство. Поваленные деревья связывали в плоты, одни бревна вдоль, другие поперек. Весной река поднимала эти плоты и несла вниз по реке. В Александровке эти плоты пригоняли к берегу. Вышли из заключения два старших брата Альбинас и Антанас и приехали к нам в Александровку. Имея строительный материал и свою рабочую силу, мы выстроили дом и коровник. Правда, дом мы окончательно не успели достроить, как в октябре 1956 года пришел приказ освободить нас от комендантского надзора.

Мы свободны! Жаль, что началась зима, и мы не все успели уехать – выехали четыре старших брата. Эта последняя зима была самой трудной и долгой. Потом, весной продали дом, корову и наша семья поплыла обратно по реке, домой в Литву.

Обратная дорога была совсем другой, мы чувствовали себя свободными людьми, гуляли по палубе, любовались суровой красотой Сибирской природы. На многие километры тянулась тайга. Можно пройти тысячу километров и не выйти на край леса, может поэтому никто и не помышлял о побеге. В Александровке, если кто заблудится в лесу, Рыбная фабрика на целый час включала гудок, чтобы потерявшийся мог найти дорогу. Прибыв на станцию, пересели на поезд уже не товарный, а нормальный, пассажирский. В Москве снова была пересадка – на поезд идущий в Литву. Уже строили планы, представляли, как поменялись соседи, оставленный дом в Литве казался уже таким близким и желанным. Когда ехали по территории Литвы, радио заговорило по-литовски, только мы не могли до конца понять, понимали только отдельные слова, хотя дома все время говорили по-литовски.

И вот мы в Литве. Как красива родная земля! Около домов всегда чисто, растут цветы. Когда слышали родную речь, слезы навернулись на глаза. Сойдя с поезда, сразу поехали к себе в деревню, домой. Надеялись все застать, как оставили. Память сохранила все до мелочей. И вот мы стоим перед нашим домом, точнее перед тем что от него осталось... Стоим как в сне. Только по камням в траве можно определить, где раньше был наш дом. Где те тропинки, по которым бегали босые наши ноги, где тот столб, на котором отец отмечал наш рост? Где ласточкины гнезда? Куда все делось?!

Ничего не осталось, только яблони сторожили нашу землю до возвращения. Не знаю, кому все это надо было уничтожить. Но разве можно из сердца и памяти стереть дни, проведенные здесь в детстве. Память живет в нас, а мы в ней, и никто не волен отнять ее у нас.

Поехали к родным. Семья из 14 человек – долго не погостишь. Прописывать такую большую семью никто не хотел. Не найдя пристанища на Родине, решили уехать в Казахстан, в Караганду. По рассказам братьев, на шахте нужны были строители. Так по доброй воле мы стали изгнанниками. Встретили литовцев, выпущенных из лагерей, но без права возвращения домой. Организовали кружок народного танца. О еде уже не нужно было думать – отец и пятеро старших братьев работали на шахте. Их так и называли – бригада Пирагасов. Конечно, тосковали по Родине, по родному языку, по разоренному нашему дому и брошенным яблоням.

Я со своей семьей окончательно вернулась в Литву в 1961 году. В 1964 году и родители возвратились с младшими детьми в Литву. Нас уже не называли врагами народа. Более того, в 1977 году «Мосфильм» снял документальный фильм о нашей семье. Где в Литве сыщешь

такую семью, где выросло 12 детей, из них двое стали профессорами: д.ф.м.н Пирагас Казимир и д. ф. м.н Пирагас Кестас, один доцент Казанского университета – к.ф.м. н Пирагас Витас.

Пирагасы шутят: есть даже один академик. Как-то на защите диссертации одного из братьев, в первом ряду сидел отец, а внешность он имел импозантную: аккуратная белая борода, весь седой, ну, ни дать, ни взять – чистый академик. Кто-то из гостей спросил: «Кто это?» И кто-то из братьев шутя, ответил: «Академик». Так это прозвище к отцу и прилипло.

Антанас, Арвидас, Альгимантас закончили строительный институт, Йонас – радиотехнический. Пранас, закончив Казанский университет, стал радиофизиком.

Из воспоминаний жены Пранаса.

Пришлось нам однажды ехать вместе с Пранасом в командировку в Великие Луки. Перед поездкой Пранас потерял паспорт, а ехать нужно было срочно, так меня вместо паспорта отправили – на документах расписываться. Ехали через Москву. До отправления в Великие Луки оставалось несколько часов, и мы решили посмотреть фильм. Зашли в кинотеатр, а билетерша не пускает, говорит после журнала. Мы смотрим на экран и видим: на всю ширину широкоформатного экрана сидит Пранас и рассказывает, как его в детстве лупил отец. Лупил, говорит, если поймает, да вот поймать десять стервецов сразу не так просто было.

Мы, как увидели Пранаса на экране, говорим билетерше: «Да, вот же – он! Его показывают!». Билетерша остолбенела и впустила нас.

А братья были озорные, чего только не вытворяли. Как-то раз в Караганде, в снежную зиму, а снега намело высотой с двухэтажный дом, братья вырыли глубоко под тропинкой туннель. Прохожие идут, идут, вдруг проваливаются и исчезают. Смеху было, конечно, как и, впрочем, слез, когда отец изловил сорванцов.

Семье Пирагасов есть, чем гордиться, дети во многом обязаны неистощимому оптимизму и трудолюбию своих родителей, которых к великой скорби уже давно нет в живых. Время собирает свою жестокую и неумолимую дань – из десяти братьев осталось восемь. Даже на пороге смерти чувство юмора не изменяет Пирагасам. Кто-то из братьев скорбно пошутил, когда на стройке погиб Альгимантас, что его смерть была незапланированной, в отличие от смерти Альбинаса, который умер после продолжительной болезни. Жестокая высылка в Сибирь не стала трагедией для Пирагасов, они все живые вернулись из ссылки, а сколько других семей осталось навечно лежать в братских могилах Сибирской земли.

В Раифской пустыне (в одном из казанских монастырей) монахи сожгли живьем семейных представителей Рабочего Совета. Прах их покоится в братской могиле недалеко от Раифского монастыря, где лежат и погибшие от рук красноармейцев монахи. И слова примирения на могиле:

Неважно, кто был виноват,
Земля погибшим пухом будет.
Как символ примиренья пусть
Сей памятник потомкам служит...

В той жестокой и кровавой трагедии сейчас действительно трудно найти правого и виноватого. Наверное, все-таки были все виноваты и вина их – в жестокости.

Может поэтому, самый старший из братьев Антанас, на вопросы, как же они «партизанили», отмалчивается, говорит, что ничего серьезного не было.

Молчит, как настоящий партизан. Не хочет вспоминать страшное то время, не ищет «виноватых», и как все нормальные люди не хочет возврата того жестокого и кровавого времени.

Так закончилась печальная история со счастливым концом.

Хор Сретенских монахов

Без музыки жизнь была бы ошибкой.

(Фридрих Ницше)

У Роберта Шоу как-то спросили:

– Какая разница между хорошим хормейстером и плохим?

Последовал ответ: – Хороший хормейстер держит партитуру в голове, а плохой – голову в партитуре.

Закончив весенне-полевые работы в своём огородном хозяйстве и собравши чемодан, который местные остряки из-за внушительных размеров называют «мечтой оккупанта», я отправилась в Россию. Поездка оказалась неожиданной, также как и жесточайший радикулит, начавшийся две недели назад и сопровождавший меня всю дорогу. Литва проводила дождями, холод и дожди сопутствовали мне в пути. В Казани нас встретило сияющее солнце и друзья, которых я не видела почти год. Меня слегка покачивало после долгой дороги, рассеянно улыбаясь и не успевая отвечать на вопросы, пыталась переключиться на темп суматошной городской жизни, особенно суматошной после деревенской идиллии, где рядом ходит аист «Гага» и соседка, с которой едва ли перекинешься парой слов за весь день.

Город весь был начинен электронными автоматами и машинами, которые ездили, где попало, ставились, куда попало, вытесняя людей и цветы, обычно сажаемые вдоль тротуаров и в палисадниках. Но как говорится: «И „смог“ отечества нам сладок и приятен!»

Поездка моя отчасти была связана как раз с этими электронными терминалами, через которые мне надо было решить кое-какие бюрократические проволочки в ОВИРе. Очередь в Интернете давно вышла за пределы допустимых сроков, поэтому мне ничего другого не оставалось, как стать в «живую» очередь в шесть утра, чтобы получить талончик в терминале. В восемь утра вся толпа в 150 человек хлынула к терминалам, последние, как самые наглые и ленивые оказались первыми. Меня сдавили, почти задушили, у меня не было сил ни выбраться из толпы, ни пробиться к терминалам. Пока я так безнадежно колыхалась в людской массе, чья-то сердобольная душа вытащила из кармана мой паспорт, ввела данные в терминал и сунула мне скомканный талончик. Я, почти не веря в удачу, развернула листочек и испытала повторный шок – тип паспорта был указан неправильно! Понимая безнадежность ситуации, зная, что на следующий день могло повториться то же самое, кинулась к какому-то сотруднику за пояснениями. От меня отмахнулись, более того мне было сказано почти следующее: «Катитесь в свой Израиль!» Тогда я начала кричать. Плохо помню, что говорила. Что-то о том, что это безобразие – душить людей в очереди и о том, что не в Израиль я еду, а смотреть детей в Литву. Кажется, надо мной сжалились, дали телефон начальника отделения. Безуспешно пыталась дозвониться в течение получаса. Разъяренная, рванула дверь в служебное помещение и, хотя вход был по электронным картам, дверь поддалась. Так открывая одну за другой двери, дошла до кабинета начальника отделения. Высокий брюнет, больше похожий на актера Голливуда, чем на канцелярского работника, замахал на меня руками, закричал, что мешаю работать, и как вообще я попала сюда!

Рассказала об утреннем происшествии. Он нашел в компьютере мои данные. Спросила, нельзя ли ускорить оформление. Так спросила, наудачу. Сначала: «Нет-нет-нет, только через месяц и через ФСБ» Потом, ситуация как-то переломилась. Меня вдруг начали величать по имени-отчеству. Спросили: а как скоро мне это нужно. Я, не веря своим ушам, пролепетала: «Хотя бы через две недели». Мне ответили: «Приходите через три дня». Я еще раз испытала потрясение, но только теперь от радости.

Вот такая история с «электронизацией» в Казани. А всего-то-навсего для решения проблемы надо было поставить охранника у входа, чтобы он пропускал по очереди к терминалам. Но не об этом хотела я рассказать. Это так, к слову пришлось...

Подарила мне подруга билет на концерт духовной музыки хора Сретенского монастыря. Удивила цена билетов, не по-монашески дорогая. Мы с подругой отправились на концерт загодя, надеясь побродить по площади Свободы, на которой и находился концертный зал им. Салиха Сайдашева. Сев на троллейбус, через остановку оказались в пробке; идя пешком и, перегоняя воюющий поток машин, успели к самому началу.

Вошли в зал, когда он уже был переполнен, стояли стулья в проходах, между рядами. Главное украшение концертного зала – роскошный орган всемирно известной голландской фирмы, по отзывам зарубежных гостей – один из лучших в Европе. Аскетическая простота интерьера, плафон зала, расписанный по мотивам древних татарских орнаментов, вполне гармонировали с хрустальными люстрами, по форме напоминающих купола мечетей. Публика, одетая в основном неброско, женщины – в юбках, у многих на голове – платок или шарф. Я, стеснясь своего брючного костюмчика, явно не приличествующего обстановке, плюхнулась в кресло. Никогда не была любительницей хорового пения, тем более в исполнении монахов. Когда на сцену вышли монахи в обычных, как мне показалось, даже заношенных костюмах, в очередной раз пожалела о потерянном времени.

Пожалела, пока они не запели.... Стихиры, тропари звучали один за другим. В чём было колдовство, то ли в удивительных голосах, то ли волшебная акустика зала, настраиваемая на исполнителей, но мне показалось вначале, что заиграл орган. Такого мощного, красивого пения я никогда не слышала. За пультом органа никого не было, пели они а cappella.

Я подалась вперед, жадно ловила звуки. Впереди сидела женщина, ухоженными ручками лениво массируя подбородок, когда зал зааплодировал, она продолжала постукивать пальцами по подбородку. Бывают же такие... окаменелые души.

Регент хора Никон Жила объявил о светской части концерта. Зазвучали знакомые песни нашей юности: «Амурские волны», «Прощай, любимый, город!» Солирующий баритон Михаила, сменял тенор другого солиста, тоже Михаила. Небесной красоты голоса!

Когда запели «Эх, ты степь широкая» я уже не могла сдержать слёз. Слезы текли, унося печаль и боль, очищая душу. Я забыла все свои обиды, простила всех своих недругов... почти всех. Теперь точно знала, что надо сделать, чтобы спасти Ричку. Надо чтобы он просто послушал Сретенских монахов. Может он тогда перестанет убегать из дома, проснётся от сна, в котором постоянно пребывает, начнет улыбаться и жить, как обыкновенный мальчишка его возраста.

Смотрю и... вдруг, женщина впереди, забыв о своём подбородке, привставши, аплодирует певцам.

Зал долго не отпускал певцов, овации звучали до тех пор, пока хор не перепел многие песни из своего репертуара, пока не устали певцы петь, а зрители аплодировать.

Вот так произошла моя встреча с хором Сретенских монахов. Кстати в переводе «Сретенье» со старославянского означает «встреча». В конце XIV в Москву из Владимира привезли икону Богоматери, благодаря которой по преданию произошло чудесное избавление Москвы от нашествия Тамерлана. В честь «встречи» иконы – «сретенья» и был основан в Москве Сретенский монастырь.

Можно много говорить о музыкальных особенностях хорового пения, о правильности цепного дыхания и цезуры, о значимости тесситурных условий пения, но разве можно выразить музыку словами. Как объяснить, почему австралиец плачет, на концерте Сретенских монахов,

говоря, что так душевно могут петь только русские. Может это тоже одна из загадок таинственной русской души?

Моя внучка вдохновенно вторит пению: «... С нашим атаманом не приходится тужить», не зная значения слова «атаман». Почему литовцы, прошедшие ссылку в Сибири, каторжный труд на рудниках и лесоповале, вернувшись на Родину, поют именно русские песни. Каждый день по радио раз десять слышу слово «оккупанты», а за окном чаще звучат именно русские песни. Лучше чем сами русские исполняет романсы Гитис Пашкявичюс, но это, так, ИМХО!

Не верю в то, что физическая красота спасёт Мир, более того, часто убеждаюсь в обратном, но в спасительную силу пения Сретенских монахов я поверила на всю жизнь.

Байки старой мочютэ

Случилось это тогда, когда сорок радуг повисли над землёй, и солнышко от красоты такой смущенно спряталось за тучку или нет... тогда, когда луна, блудливо шныряя меж туч, уставилась удивлённым оком в озеро у ближайшего леса; потянувшийся с юга ветерок разбил её отражение на множество мелких осколков и сорок (а может чуть меньше) разных историй мелькнули в памяти у мочютэ, как сорок лунных осколков...

Давно уже похоронила мочютэ своего Йонукаса, а как встанет перед глазами в расшитой рубашке в жилетке опоясанной тканым узорчатым поясом, так и стоит как живой, всегда молодой только чуточку пьяный. Что греха таить, как в костёл идти, на рожанчу его не добудишься, кое-как на мищёс поспедали.

Как-то гремит кастрюлями мочютэ у печи, а в сенях грохот, кто-то на ведро наткнулся. Йонукас пьяный шарит в темноте, дверь пытается открыть. Накричала она на мужа, тот ей в ответ:

– Ты посмотри, кого я привёл в гости!

– Да кого же ты, пьяница, можешь привести?

И заходит в избу с Йонукасом сам ксёндз собственной персоной. Запричитала тут мочютэ: «Езус-Мария... Езус-Мария!» – Коснулась губами протянутую руку ксёндза: «Вешпотти, Вешпотти, прости меня, клебонай!»

Бросилась собирать на стол, вытащила из ларя припрятанный скеланжес, достала из погреба огурцы и сыр. За столом завёл ксёндз речи благодные о том, что душу чистую, праведную всякая болезнь избежит.

Ноги у мочютэ в ту осень сильно болели, спросила она ксёндза: «Что же надо делать, чтобы артрозом не болеть?» Стал ксёндз подробно перечислять: «Не прелюбодействовать, алкоголем не злоупотреблять и самое главное – почаще молиться...» Тут мочютэ не выдержала и спросила: «А почему в газетах пишут, что ксёндзы артрозом чаще всех страдают?» Ксёндз только побелел, шмякнул на тарелку недоеденный кусочек скеланжеса, подобрав сутану, выскочил из избы.

Долго потом безгрешная мочютэ маялась – отпущения грехов не давал ей ксёндз.

Да разве мочютэ против заповедей христианских, сам бес изобрёл это проклятое зелье, что голову дурманит и разум отнимает. Третьего дня с внучкой пошли зерно рассыпанное на дороге собирать. Четырнадцать мужиков навстречу попались и хоть бы один был трезвый...

Последний шёл Зигмас, он-то мочютэ и сказал: «Посмотри, там твои индюки за водкой в магазин пошли!» Смотрит мочютэ и впрямь вышагивают, огромные белые «птички» в тридцать кило каждая! Втроём! И как тут не поверишь, если в этом магазине кроме водки и спичек ничего другого не продают! Тут и думать, и гадать не надо, когда вся деревня вдребодан пьяная. Аккурат десятого числа «пашалпу» выдают. А ведь еще в старину говорили: «Не давай рыбу, дай удочки!» Чудят там в Европе, а мы за голову хватаемся, если она еще у кого-то на плечах осталась...

Говорил знакомый немец, уписывая мочютины помидоры: «Вот как вступите в Евросоюз, так тоже будете есть „картонные“ помидоры!» Повезла дочь в далёкую Московию подруге своей палендвицу и сыр, так они с дочкой сыр съели, а палендвицу мужу отдали, сказав при этом: «Он всё ест!» А ведь когда-то литовская палендвица деликатесом слыла. Да, видно не помогают европейские указы, мясо то прожевать нельзя... сама видела, как сосед навешал в свинарнике погребушки, не стало от этого мясо лучше, а свиньям веселей. Только народ потешается... в очередной раз.

Смех смехом, а мне сегодня хоть плачь навзрыд. Встала я утром и обомлела. Вчера еще всё зеленело, а утром намело – сугробы до пояса. Смотрю, у курятника две головы из сугроба

торчат: одна белая, другая черная. Подхожу: Одиллия и Одетта! Две курочки мои, отношения, между прочим, не классические – подружки. Сердце у меня ёкнуло. Захожу в курятник и вижу: петух в дальнем углу недвижный лежит, от пеструшки одни перья остались, а у «купчихи» алые сережки давно уже побелели. Хорёк порезвился на славу! Упала я там же в сугроб и заплакала. Подошел ко мне сосед и утешает: «Что вы плачете, у вас же в доме туалет тёплый!»

И впрямь на всю деревню, на шестьдесят дворов, только у нас в доме канализация...

А мне кур жалко, так жалко, что дальше и говорить невмочь...

Мочютэ – бабуля (лит.)

Рожанчюс – молитва славящая деву Марию и Господа ((лит.))

Мищёс – молитва (лит.)

Вешпотти – Господи (лит.)

Пашалпа – пособие по беработице (лит.)

Клебонай – обращение к ксёндзу (лит.)

Скеланжес – копчёное мясо в мочевом пузыре (лит.)

Палендвица – копчёная мясная вырезка (лит.)

Почти Рождественская история

Никогда еще для Лоретты ноша не была такой тяжелой, никогда те триста метров, которые ей предстояло пройти, не были такими невыносимо долгими. Лоретта шла как в беспамятстве, спотыкаясь и качаясь из стороны в сторону: «Только бы не упасть, только бы никто из знакомых не попался навстречу!»

Снег тяжелыми хлопьями быстро заметал её следы, воровато шныряла между туч луна, освещая пустынные улицы – люди готовились к Рождеству.

Вот, наконец, и роддом. Лоретта подошла к двери, оставив пакет у двери, не оборачиваясь, пошла, почти побежала обратно к дому.

Не знала Лоретта, что эта дверь давно уже заперта на зиму и больше месяца никто не пользуется этим входом. Страх словно ослепил её, не увидела она, что на чистом снежном покрове крыльца нет ни единого следа.

Все бы дальше произошло, как это бывает в таких случаях. Нашли бы утром замерзшее тельце новорождённой малютки в большой продуктовой сумке, возбудили бы уголовное дело по факту её смерти, но одна маленькая случайность оборвала эту цепь предопределённых несчастий.

Дежурная медсестра подошла к запертой двери, пытаясь через запотевшие стёкла рассмотреть, дорогу к роддому. На приём к врачу должна была придти её знакомая. Дорога была пустынной и она уже собиралась отойти от двери, как взгляд её упал на крыльцо и на странный пакет у двери. Быстренько одевшись, она выскочила через другой вход и, обогнув здание, подошла к крыльцу. Да, предчувствие её не обмануло. Подкидыш! Прижав сумку к груди, медсестра побежала в здание. Ребёнок был жив, это была девочка, свежая кровь на пуповине говорила, что младенец совсем недавно родился, возможно, в этот же день. Тотчас же сбежался весь персонал, поглазеть на «ангелочка», девочка живо двигала ножками и ручками, морщила лобик и, наконец, зашлась в крике. Её тут же пристроили к «молочной» мамаше, у которой дня три тому назад родился сын.

Ангелю-ангелочка, так называли девочку в больнице, полюбили все и с грустью ожидали момента расставания, под всякими предлогами оттягивая его. Девочку должны были отдать в детский дом. В полицию были переданы все сведения о подкидыше, единственной уликой в этом деле была квитанция из магазина, найденная в сумке. По дате и времени, указанным на квитанции, определили предположительно мать девочки: невысокую, большеглазую молодую женщину в просторной тунике, которую видеокамера запечатлела за несколько дней до родов.

Лоретта от роддома летела как на крыльях. Скорей забыть, вычеркнуть из памяти случившееся. Зайдя в свой подъезд, она поднялась на верхний этаж, чтобы забрать оставленные вещи. Здесь на площадке, среди заколоченных квартир ей пришлось рожать.

Когда у неё начали отходить воды, Лоретта взяла приготовленные покрывало, пелёнки и поднялась на пятый этаж. Никто не должен был знать и самое главное – об этом не должна была знать мать, лежащая уже третий месяц в больнице после сердечного приступа. Когда начались схватки, Лоретта сдавленно стонала; ни на минуту не теряя контроля, подумала: как хорошо, что схватки начались днём, когда многие на работе или в школе. Да и кто поднимется на последний этаж, если здесь никто не живёт, а если кто-то и появится, она найдёт в себе силы закутаться в покрывало, пусть думают, что очередной бомж нашёл здесь себе пристанище.

Схватки учащались, даже сильная зубная боль была ничто по сравнению с тем, что терзало и выгибало дугой её тело. Обливаясь потом, Лоретта стискивала зубы, чтобы не закричать,

теряя последние силы, успела подумать: а как же брат... один? Очнулась она от детского плача. Маленькое, беспомощное создание лежало у её ног. Девочка... Только не разжалобиться и ни в коем случае не давать грудь. Лоретта достала из сумки приготовленную бутылочку со смесью, ребёнок неохотно взял губами соску, а потом, распробовав, зачмокал...

Лоретта тряхнув головой, отогнала воспоминания. Всё, всё ...забыть! Детство, юность и все глупости, связанные с ними, оставить в прошлом, убить в себе женщину, дочь и мать! Отныне она – автомат в состоянии turn off или on в зависимости от платежеспособности клиента. Выдрать все эмоции, выскрести душу, высушить слёзы и забыть...

Брат был дома, скользнул по ней отсутствующим взглядом и пошел к себе в комнату. Через приоткрытую дверь видела, как Гинтарас открыл ноутбук, и его худые пальцы привычно застучали по клавишам. Лоретта не стала спрашивать у него, был ли он у матери в больнице. Конечно, нет. У него своя жизнь и в этой его жизни давно уже нет места ни ей, ни матери. Как давно это случилось, Лоретте и не вспомнить. Может тогда, когда ушел из семьи отец или гибель друга замкнула его жизнь в кольцо чередований компьютерных игр с депрессией.

Однажды мать, не выдержав бесконечной апатии сына – он лежал, не вставая, уже третьи сутки – накричала и даже замахнулась на него. Гинтарас вскочил, бешено вращая глазами, начал орать, что не хочет тут жить. Схватив телефон, он кричал, что будет просить о помощи. Мать вырвала из его рук телефон. Тогда он кинулся к балкону, попытался выпрыгнуть, но не успел: мать и Лоретта повисли на нём и повалили на пол. Руки матери обняли Гинтараса железной хваткой, они катались по полу, мать, захлёбываясь рыдая, причитала: «Как же я хотела сына, как я надеялась...» Она не успела договорить, внезапно побелела, откинула руки и замерла. Лоретта дрожащими руками схватила телефон, набрала номер 112. Скорая приехала быстро. Лоретта смутно помнила озабоченное лицо пожилого доктора, недвижимое тело матери на носилках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.